

УДК 930.2:[911.2+159.923.2-057.85
doi 10.17072/2219-3111-2022-2-105-114

Ссылка для цитирования: Мишенев А. М. Экстаз сопричастности. Челюскинский дневник одной учительницы географии // Вестник Пермского университета. История. 2022. № 2(57). С. 105–114.

ЭКСТАЗ СОПРИЧАСТНОСТИ. ЧЕЛЮСКИНСКИЙ ДНЕВНИК ОДНОЙ УЧИТЕЛЬНИЦЫ ГЕОГРАФИИ¹

А. М. Мишенев

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 614070, Россия, Пермь, ул. Студенческая, 38
ammishenev@edu.hse.ru

В статье история отношений советского человека со временем рассматривается на примере источника исторического настоящего – дневника, который Вера Александровна Рауш вела в первые дни после гибели парохода «Челюскин» в Арктике (предположительно в феврале 1934 г.). Биография и профессиональное наследие В.А. Рауш, учительницы географии в образцовой московской школе, участницы реформ школьной географии середины 1930-х и одного из ведущих советских методистов-географов 1930 – 1950-х гг., представляют интерес для исследователей советского образования, географии, темпоральности и субъективности. Предваряя публикацию уникального эго-документа советской эпохи, автор решает три задачи. Во-первых, описывает не прямые, запутанные и неполные отношения между биографией В. Рауш и ее архивом, записью и курированием в терминах архивного «я». Во-вторых, анализирует челюскинский дневник в специфике его множественной темпоральности. Выделяет три пласта гетерохронных правок, произведенных разными способами в разное время с разной целью. Пристально изучает процесс переработки дневниковой записи в художественный текст, который в процессе близкого чтения обретает видимость и локализацию во времени. Наконец, исследует дискурсивные и аффективные основания, позволившие учительнице географии, отказываясь от своего «я», осуществить посредничество особого рода. В.А. Рауш до предела сокращает дистанцию до арктического события и разделяет переживания со своими учениками. Ресурс физической географии она использует для того, чтобы занять и освоить позицию советского субъекта. Необычность и распознаваемость этого опыта сопричастности описываются на фоне дневников современников, уделивших внимание челюскинской эпопее.

Ключевые слова: темпоральность, гетерохронность, архивное «я», дневник, физическая география, сопричастность, медиация, аффект, советский субъект.

Введение

Готовясь к экспедиции², отправляющейся по следу пропагандистского поезда челюскинцев³, автор решил познакомиться с эпохой через архивные эго-документы. Первым делом, заказанным в Государственном архиве Пермского края, стал лейтмотивный дневник Веры Александровны Рауш – учительницы географии из московской школы № 25. На обложке школьной тетради красным карандашом было размашисто начертано «1935». Однако в тексте, разбитом по дням, речь шла о событиях февраля – марта предыдущего года: в деталях фиксировалась реакция учительницы и ее учеников на гибель во льдах парохода «Челюскин». Судя по записям, автор была лично знакома с начальником Главного управления Севморпути и руководителем экспедиции Отто Юльевичем Шмидтом, поскольку учила географии его старшего сына.

Однако челюскинский пунктир не был ключевым аргументом в пользу публикации этого документа. Интенсивность и форма, которую в нем приобрели переживания за судьбу челюскинцев, представляются важным дополнением к портрету человека 1930-х гг., обитающего в мирах экстатической идеологии и воображаемой географии.

В рамках статьи автор сосредоточится на трех моментах: архивной проекции биографии Рауш, своеобразии темпоральности дневника и посредничестве особого рода, позволяющем школьной учительнице географии участвовать в символически значимых событиях и связывать миры.

Вера Рауш: архив и человек

В марте 1976 г. Александр Кузьмич Шарц⁴ разъяснял в письме к Вере Алексеевне Грузинской⁵ принципы составления фонда Р-790, обозначенного в путеводителе Государственного архива Пермского края как «Уральский биографический словарь»: «Собирается материал на людей, родившихся на Урале, писавших об Урале или уральцах. Территория – Пермская, Свердловская и Челябинская области. До Октября – Пермская губерния» (ГАПК. Ф. Р-790. Оп. 10. Д. 60. Л. 1). Фонд пополнялся из личных архивов, владельцев которых Шарц агитировал за передачу бумаг на общественное и государственное хранение: «Похвально, что вы сдали свой архив» (Там же). У архивариуса-энтузиаста были программные аргументы в пользу курирования частных архивов современников: «Надо при жизни сохранить все, что было приятного в жизни, что ум будило, что сердце пленяло мое. Я верю, может быть, напрасно, что будет время, когда станут изучать архивы и больше писать о нас – строителях социализма» (Там же)⁶. А у его письма к Грузинской была конкретная цель – спасти личный архив Рауш: «Убедите Веру Александровну, чтобы весь ее архив не погиб, как это получается в домах инвалидов, ветеранов труда и вообще, а сохранился на Урале. Вера Александровна работала на Урале, и есть еще старички, ее помнящие. Помогите мне уговорить В.А.! Ведь ей 97 лет!!! Каждый день может стать последним и начнут чистить комнату для нового ветерана труда» (Там же).

Среди документов Рауш, внесенных в опись № 10, есть письма к Шарцу с разъяснениями нецелесообразности сохранения ее архива: «1) Я не выдающийся человек, имя которого желательно запечатлеть, а самый рядовой, каких тысячи, и загружать нами, рядовыми, архивы стоит ли? 2) Мне 97-й год. Воспроизвести мою жизнь и работу мне теперь невозможно. Я пережила много войн и революционных движений, много реформ, помимо школы. Разве их запомнить? 3) Многие письма и документы я уничтожила в прошлом году, когда собралась на тот свет» (ГАПК. Ф. Р-790. Оп. 10. Д. 48). Вера Александровна умерла спустя несколько месяцев после этого письма, успев отправить основательно прореженный архив в Пермь. Сортируя и перечитывая бумаги, она уничтожила все, что не смогла прочесть.

Шарц, навещавший учительницу в Москве, упоминал о стеллажах, забитых бумагами. Да и Рауш не отрицала наличия значительного рукописного наследия: «Всю жизнь вела записки по работе. Накопилось много папок» (Там же). На хранении в ГАПК находятся тетради, листы, стопки. Всего 134 единицы. Это рукописи и сигнальные экземпляры учебников и учебных пособий, неопубликованную «Занимательную географию», лекции, методические указания, статьи и географические рассказы для детей. Эпистолярное наследие в этом рабочем архиве представлено короткой перепиской с Шарцем и письмами Николая Баранского, ведущего советского экономгеографа и главного редактора «Географии в школе». Долгие годы Рауш проработала в редакции этого журнала, созданного в мае 1934 г. на волне географического поворота в советской школе и успешного завершения челюскинской эпопеи [Орлова, 2008].

Сведения о биографии Рауш и ее личности проступают нелинейно и фрагментарно по мере погружения в архив. Вклад этой коллекции документов в формирование, материализацию и упорядочивание личного опыта существования во времени Галина Орлова предложила автору данной статьи описать в терминах архивного «я». По аналогии с повествовательной идентичностью [Рикер, 2008], «я»-нарративом [Gergen et al., 1997] или письменной личностью [Шкуратов, 2016, с. 147] архивное «я» обнаруживает себя не только в повествовательных стратегиях или риторических фигурах, но и в демаркации границ архива, систематизации и сортировке бумаг, формах самоархивирования и редактирования, практиках сохранения и уничтожения документов. В отличие от «я», производимого посредством рассказа, архивное «я», актуализируемое в акте хранения, возникает из управления подборкой текстов и артефактов. В этом оно родственно родченковской «папке» – попытке определить человека через «многие суммы» разноголосых фотографий, дневников, заметок [Родченко, 1928, с. 15].

В архивном случае Рауш вехи не стыкуются, а интервалы не совпадают. Скажем, Вера Александровна пишет Шарцу о том, что начала учительствовать в 1902 г. Однако, согласно справке, подготовленной 42 года спустя, ее общий трудовой стаж составляет 40 лет, из которых документально подтверждены 32. В трудовой книжке есть записи о том, что в начале 1920-х гг. Рауш преподавала географию и немецкий язык в вятской школе-семилетке, а в конце 1920-х гг. – в московской образцово-показательной школе № 25 (позднее № 175), где учились дети совет-

ской элиты⁷. В своих записках она сетует на неудобства этой работы: постоянные гости и открытые уроки разрушают камерное общение с учениками. С 1944 г. Вера Александровна работала в Московском городском пединституте сначала методистом, позднее – старшим преподавателем. Параллельно служила редактором в Учпедгизе и заведовала отделом в журнале «География в школе». В 1950–1960-е гг. издательство и журнал чествовали ее по случаю юбилеев как одну из старейших сотрудниц (ГАПК. Ф. Р-790. Оп. 10. Д. 5). А в середине 1930-х гг. местком выдал передовому учителю-методисту отменную характеристику для предъявления в народный суд Бауманского района г. Москвы (ГАПК. Ф. Р-790. Оп. 10. Д. 3). В архивной биографии полно пробелов. Детали и исход этого судебного процесса тоже неизвестны. Однако Вера Александровна упоминает, что с работы ее выгоняли дважды: «При царизме считали красной, при Советах считали белой» (ГАПК. Ф. Р-790. Оп. 10. Д. 48). Такое положение дел она с горькой иронией называет «курьезом». С фотографии, сделанной в Санкт-Петербурге в начале XX в., с достоинством взирает дама в нарядной блузе с буфами (ГАПК. Ф. Р-790. Оп. 10. Д. 129). Лекции и доклады этой дамы, подготовленные после революции, полны прочувствованных слов о жизни в «самой популярной стране», на которую с «упоением смотрят трудящиеся всех частей света» (ГАПК. Ф. Р-790. Оп. 10. Д. 14).

Отойдя от дел в восемьдесят лет, Вера Александровна сохраняет интерес к жизни. В ее архиве хранятся ответы из ТАСС, «Известий», «Правды», «Литературной газеты», датированные концом 1960-х – серединой 1970-х гг., на письма тов. Рауш, к которому редакторы, завотделами и Борис Полевой обращаются в мужском роде (ГАПК. Ф. Р-790. Оп. 10. Д. 54). Ее как неугомонного читателя волнует все подряд: почему американских астронавтов не называют космонавтами, если первым в космосе побывал советский человек? что такое БАМ и как о нем побольше узнать? зачем «Правда» печатает некачественные фельетоны? что стало с советскими летчиками, посадившими вертолет на территории КНР? В эти годы Вере Рауш уже за девяносто.

На покое она планировала закончить книгу «Работа педагога за ... лет». Несколько раз бралась за литературную автобиографию в духе школьных повестей. Подтверждение тому – два рукописных тома «Воспоминаний о своей жизни» (ГАПК. Ф. Р-790. Оп. 10. Д. 13.). В них последовательно изложены события первой половины жизни – от рождения в деревне Смаглева Воронежской области в августе 1879 г. до переезда в Москву сорок восемь лет спустя. Из-за работы отца – инженера путей сообщения – детство маленькой Веры прошло в разъездах. Кочевой ритм сохранился на всю жизнь. И в семьдесят пять Вера Александровна проводила отпуск среди незнакомцев где-то на Енисее (ГАПК. Ф. Р-790. Оп. 10. Д. 36). У бабушки в Ревеле она получила «внеклассные знания» по географии, литературе и иностранным языкам. Используя этот багаж, преподавала литературу и географию, развивая географическое воображение учащихся с помощью художественных текстов. Этот подход она описала как педагогическую новацию в методическом пособии, вышедшем после войны (Рауш, 1947). Закончив гимназию, Рауш поступила на Бестужевские курсы, но вынуждена была прервать обучение из-за смерти отца и необходимости помогать семье. Переехала в Вятку, где зарабатывала частными уроками. А потом с семьей ученика отправилась в Могилев. С преподавания немецкого в Могилевской женской гимназии, судя по всему, начался ее документально подтвержденный педагогический стаж. Вернувшись в Вятскую губернию, она работала в прогрессивной нолинской прогимназии – единственном в округе заведении, где могли учиться крестьянские дети. Демократизация школьного образования, раздражающая губернские власти, обернулась для Веры Александровны увольнением. Она уехала в Екатеринбург, работала в магазине у деверя, но вскоре вернулась к преподаванию, чтобы уже никогда его не оставлять. Вела уроки немецкого и литературы в екатеринбургском высшем начальном училище, учительствовала при заводе в Нейвинске, потом снова в Нолинске (с 1917 г.), затем в частном училище Вятки (с 1919 г.). В 1927 г. уехала в Москву. В школу № 25 поступила через биржу труда. На этом связанные воспоминания и биографические повести обрываются. Начинаются разрозненные дневники.

Неизвестно, вела ли Вера Александровна регулярный дневник и как выглядели текущие рабочие записи, о которых она упоминает. Дневники, имеющиеся в ее личном фонде, фиксируют происшествия экстраординарные, по-разному противостоящие повседневности. Вятский дневник 1924 г. Рауш вела летом на учебной базе (ГАПК. Ф. Р-790. Оп. 10. Д. 9). Московский дневник 1941 г. фиксирует жизнь прифронтовой Москвы – изменившиеся выражения лиц, раз-

говоры в очередях за продуктами, реакции прохожих на артиллерийскую канонаду (ГАПК. Ф. Р-790. Оп. 10. Д. 11). Но даже на этом фоне ее отклик на гибель «Челюскина» выглядит необычно. Дневник 1934 г., выстроенный вокруг пикового события, обеспечивает доступ в темпоральную лабораторию персонального, литературного, профессионального, советского опыта Веры Александровны Рауш.

Полуторный жанр: гибридная темпоральность дневника

На нестандартных девяти листах школьной тетради, прошитых суровой ниткой, в хронологической последовательности описаны события из жизни московской учительницы географии и ее учеников, произошедшие после получения известий о гибели «Челюскина». Записи сделаны от руки фиолетовыми чернилами. Они начинаются и заканчиваются педагогическим дифирамбом Володе Шмидту – идеальному ученику, замечательному человеку и сыну своих родителей. Здесь есть место для известия о катастрофе в Чукотском море, сопереживания, внутреннего диалога с Отто Юльевичем Шмидтом и капитаном Ворониным, географической картины арктической героики, школьных рутин, детского равнодушия, мальчишечьей драки и заседания географического кружка. Что делает этот текст дневником? Субъективность, внимание к плану своих (и чужих) переживаний и, конечно, тайм-код дней (часов), присвоенный отдельным эпизодам⁷.

Однако именно в обращении со временем заметны шероховатости и нестыковки, позволяющие обнаружить неоднородность и возможную гетерохронность письма Веры Александровны. В верхнем поле первой страницы значится «14/III – 6 ч утра», а на обороте – «14/II – 10 ч вечера». День, когда Рауш узнает о гибели парохода, длится долгих десять страниц, занимающая половину дневника. Метка в левом верхнем углу – не то 15/II, не то 15/III – отмеряет следующий эпизод. Здесь и далее время, когда была сделана запись, не указывается. Собрание географического кружка сбоку на полях помечено числом 16 – уже без месяца. Пара строк о странности жизни, идущей «своим чередом», когда «они там, на дрейфующей льдине», сопровождаются выбивающейся из ритма пометкой «7/», в которой, как кажется, потеряна единица. Встреча с Володей Шмидтом – числом «18/», а финальное обращение к Отто Юльевичу происходит по соседству с числом «20/».

Сопоставление темпоральной чехарды дневника с датами газетных публикаций позволяет выявить еще одну нестыковку. За час до занятий Рауш «влетает в школу», узнает от учащихся пятой группы, что «Челюскин утонул!», и в доказательство получает газету: «Вот смотрите, читайте!!!». Однако 14 февраля – эта дата стоит на первом листе дневника – о челюскинцах написала только «Литературная газета». В заметке «Журналисты в Арктике» речь идет о событиях, произошедших до катастрофы (Макаров, 1934). Пароход ушел под воду 13 февраля. Но скупая информация о гибели завхоза Бориса Могилевича, высадке на льдину, обустройстве ледового лагеря и создании правительственной комиссии появилась на первых полосах «Правды» и «Известий» только 15 февраля. Выходит, Вера Александровна ошиблась в датировке на день, на месяц (февраль в ее тексте перемешан с мартом), на год (на обложке тетради с челюскинскими записями написано «1935»). Как это возможно?

В том же письме, адресованном Шарцу, Вера Александровна признается, что при разборе ее бумаг «особую трудность» представляет датировка: «Я нигде не записывала дату года, и это мешает даже автобиографии. Ведь жизнь прошла через столько революционных лет!» (ГАПК. Ф. Р-790. Оп. 10. Д. 60). Учительница географии, профессионально чуткая к расстояниям и точности пространственного размещения, опускает хронологическую разметку и произвольно восстанавливает ее постфактум. Похоже, так же она поступает с челюскинским дневником.

Но что, если сам дневник – стилизация? Ведь в тексте встречаются признаки литературной обработки, а в архиве Веры Александровны – подтверждения ее склонности к олитературиванию своей жизни в профессии. Сопоставляя двухтомник воспоминаний с незаконченной биографической повестью, можно заметить, что переработка биографического опыта в литературные тексты является одной из базовых стратегий письма Рауш. Изменяя имя (иногда пол) и позицию главного персонажа, тщательно прописывая мораль, шлифуя детали и оттачивая интригу, она сохраняет сюжетную линию и каталог событий. В основе рассказанных миров Веры Александровны лежит установка на «переживание подлинности жизненного события», которая, по мысли Лидии Гинзбург, отличает документальные жанры от литературы [Гинзбург, 1977, с. 11].

Челюскинский текст Рауш интересен своей неоднородностью. Три пласта вставок, правок и пометок, различающихся материальностью и темпоральностью письма, позволяют наблюдать за тем, как дневниковые записи перерабатываются в школьную прозу. Первый – чернильный – пласт описан выше. Вставки дат и нумерация страниц, обрывающаяся на середине дневника, сделаны теми же фиолетовыми чернилами, что и основной текст. Второй пласт образуют пометки и исправления, вписанные между строк простым карандашом (иногда они обведены чернилами). В том же стиле сделана сквозная нумерация листов. Третий – самый заметный – пласт размашисто нанесен жирным красным карандашом.

Остановимся подробнее на карандашных пометках. Наибольшей переделке подверглись два эпизода из школьной жизни. Это история про благородную мальчишескую драку, затеянную из неверия в гибель челюскинцев, и рассказ о заседании школьного географического кружка, по итогам которого кружковцы постановили телеграфировать Шмидту и инициировать заем на постройку нового парохода. Исправления однотипные: «я» заменяется на «педагог», обстоятельства уточняются и детализируются, «дурак» смягчается до «дурня». Используя минимальные средства, Вера Александровна начинает, но так и не заканчивает преобразование первичной документации в школьный рассказ. Одно из исправлений позволяет датировать время карандашных правок. Драчуны «из 1 ст.» могли превратиться в ребят из «начальной школы» не ранее 15 мая 1934 г., когда вышло Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О структуре начальной и средней школы»⁸. Таким образом, исходная запись и ее правка принадлежат разным темпоральностям советской школы.

Что касается размашистой надписи «1935» на обложке и всех изменений, внесенных толстым красным карандашом (блоков-рамок, в которые местами взят текст, и нумерации эпизодов), то, вероятно, они стали самым поздним слоем правок, т.е. были внесены, когда связь автора с 1934 г. и челюскинскими событиями прервалась или ослабла настолько, что можно было перепутать годы. Композиционно это самая масштабная попытка редакции, направленная на перекодировку ритма дневника в номерные эпизоды школьного рассказа.

Размещение текста тоже заставляет задуматься о его статусе. Челюскинский дневник занимает неполную школьную тетрадь от первой до последней строки, но пустоты обнаруживаются на развороте. В месте, где тетрадь сшили белой ниткой, десятая страница не дописана, а следующий лист (страницы 11–12) пустует с двух сторон. В абзаце, оборванном на полуслове, Рауш начинает и на заканчивает одобрять назначение заместителя председателя СНК Валерияна Куйбышева главой Правительственной комиссии по спасению челюскинцев: «Я рада, что именно он, его тал[ант?]....». Кажется, закончились чернила, и перо бесцветно царапало бумагу. Слово, фраза, мысль, эпизод должны были завершиться на следующем листе, намеренно оставленном пустым. Но этого не произошло. Быть может, поэтому начало куйбышевского абзаца украшает клякса? Сквозь нее проступают цифра «5» и косая черта. Так Рауш обозначала даты записи. Пометка «15/II» перенесена на страницу 13 и вписана поверх текста в верхнее поле.

Когда был заброшен этот фрагмент? В процессе ведения живых дневниковых записей или при сведении их в текст, пригодный для литературной обработки? До 25 января 1935 г. или уже после внезапной смерти Куйбышева, которую некоторые связали с его позицией по расследованию убийства Кирова? А когда лист, так и оставшийся не заполненным, обрезали, оставив несколько сантиметров от линии сгиба? Он смущал автора своей пустотой, или нашлось применение для неиспользованной бумаги?

В пользу того, что текст дневника переписывался и, возможно, перерабатывался, говорят качество письма и композиция. Все записи (даже самые аффектированные) сделаны одним почерком без особых помарок и ситуативных изменений в способах письма. Композиционно текст закольцован, т.е. подвергнут эстетической шлифовке: он начинается и заканчивается портретом образцового ученика и советского человека Володи Шмидта. Другое дело, что сквозь красоты письма, слои правок, пересборку и литературную обработку все равно просвечивают дневниковые записи.

Текст Рауш выделяется на фоне советских эго-документов 1934 г., затрагивающих челюскинскую тему. По объему написанного, фокусировке и степени эмоциональной вовлеченности дневник школьной учительницы, не покидавшей Москву, сопоставим с самыми яркими записями, оставленными обитателями ледового лагеря Шмидта. Но создание мемуаров челюс-

кинцев было делом ретроспективным, массовым и организованным под присмотром политрука экспедиции и журналистов⁹, тогда как московская учительница географии вела записи синхронно и по собственному почину.

Еще больше текст Рауш отличается от дневниковых записей соотечественников, в арктических делах участия не принимавших. Современники, с разной географической и идеологической дистанции наблюдавшие за ледовой катастрофой, спасательной операцией и триумфальным возвращением челюскинцев, оставили короткие – прочувствованные, скептические, равнодушные – реплики, сгруппированные вокруг узловых точек эпопеи. Начальник сельской почты конспективно пересказал события «по газетным сообщениям» (Измайлов, 1934). Жена писателя зафиксировала деталь московского обихода: «Весь город говорит о челюскинцах» (Булгакова, 1934). Государственный деятель отметил патриотическое нарушение мхатовского ритма: перед началом первого акта спектакля Немирович-Данченко «сообщил публике» о спасении 22 челюскинцев «и сам возглавил хорошее, человеческое “ура”» (Аросев, 1934). Дама прогрессивных взглядов, постепенно разочаровывающаяся в советском строе, обратила внимание на то, что радиосообщение о челюскинцах не вызвало у нее отклика (Дневник моей бабушки..., 2012). Посол СССР в Швеции с удовлетворением отметила, что спасение челюскинцев там «встретили с энтузиазмом» (Коллонтай, 2001). А писатель с раздражением высказался об авантюре «путешествия во льдах на корыте» (Пришвин, 2009).

В двух случаях из сорока дневниковая запись превращается в историю-эпизод. Учительница Катерина Сергеева, работавшая с 1932 по 1935 г. на Чукотке, описывает, какими хлопотами и издержками оборачивается для «дяди Степы» – председателя нацсовета бухты Провидения – участие в спасательной операции (Сергеева, 1989). А школьница-максималистка, посвятившая челюскинцам и их спасению несколько коротких, но восторженных записей («Почему-то хотелось плакать от счастливого ощущения симпатии»), делится горечью разочарования. Оно настигло москвичей, поджидавших, но так и не дождавшихся своего героя – летчика Слепнева – возле его дома (Луговская, 2003). Обе заметки сделаны с короткой – географической или аффективной – дистанции. Однако даже они не выходят за границы одного дня, тогда как дневник Рауш охватывает события, происходящие как минимум в течение недели, и при этом не теряет эмоционального накала.

Столь продолжительная, пристрастная и по-своему исключительная концентрация советского наблюдателя на челюскинской истории не характерна для дневникового письма. Но она раз за разом предписывается гражданину Страны Советов журналистами через центральные СМИ.

Простой советский медиум

Острую реакцию на известие о гибели «Челюскина» Рауш описывает через интенсивные телесные переживания («бешено колотится сердце», «руки-ноги похолодели», «не могу дышать») и измененное – до диссоциации – состояние сознания («двигаюсь, как лунатик», «какой-то голос (внутри) тревожно кричит», «плохо осознаю», «не могу прийти в себя»). Впрочем, ее «выпадение из себя» и школьных рутин оборачивается присутствием иного рода – перед глазами школьной учительницы «ярко встают» лица Шмидта и Воронина.

Эту визионерскую сцену обрамляют разрыв и восстановление связи с реальностью. Переключаясь в режим сверхчувственного видения, Вера Александровна «совершенно забывает о школе». А приходя в себя, она сообщает, что «ничего не видела и не слышала». Фактуру переключения обеспечивает физическая география. Методическое пособие к картинам по географии Рауш издаст только в 1947 г. Но уже в 1934 г. она впишет канонический образ Шмидта с развевающейся бородой в типическую Арктику, используя мглу, холод, ветер, сбивающий с ног, льды, опасные течения и нелетную погоду в качестве опор для воображения.

Позиции физической географии, вооруженной картой, которая делает невидимое видимым, а далекое – контактным, резко усиливаются именно в 1934 г. Дисциплина, которую за десять лет до этого списали в утиль, объявив буржуазной и обменяв на обществоведение, возвращается в советскую школу. Теперь ее наглядность, право на достоверную репрезентацию пространства и производство реальности политически востребованы. Они используются для демонстрации достоверности социалистического настоящего [Орлова, 2006; Орлова, 2008]. В этом свете иначе воспринимаешь приведенный в дневнике диалог учительницы географии с учителем обществоведения. Она преодолевает дистанцию до челюскинцев и переживает их

катастрофу как личное горе. Другая не понимает, как чужие люди на далекой льдине могут быть по-настоящему близкими. Доступ к неравнодушию и сопричастности – проявлению советского в человеке – в случае Рауш странным образом обеспечивает география.

В отличие от учительницы обществоведения, ученики Веры Александровны – в особенности обучающиеся в V группе – прекрасно осведомлены о праве учительницы географии на эксклюзивное видение и знание о происходящем в Арктике. Они видят в ней единственного человека, способного выступить посредником между учащимися московской школы № 25 и участниками экспедиции, затерянными в пространстве: «Расскажите нам все о “Челюскине”! <...> Вы знаете, как там!». В ответ Рауш воспроизводит все тот же речитатив про восточные течения и толщи льда. Карты и книги в этой истории с географией становятся средством утешения детских тревог и печалей. Малыша, растревоженного судьбой челюскинцев, учительница ведет к карте и отправляет домой, снабдив книгой о «Сибирякове».

Используя знания, аффект и ресурс неравнодушия, Рауш связывает всех со всеми: школьников – с полярниками, а Шмидта – с советским народом. В свою очередь она нуждается в контакте с теми, кто разделяет ее порыв и требует внимания. В ходе географических разговоров о челюскинцах с учениками-единомышленниками Вере Александровне удается перегруппировать свое «я» таким образом, чтобы «из глубины его края» смогла прокрасться «робкая надежда».

Школьный день, когда Рауш узнает о гибели «Челюскина», заполнен до отказа. У нее не только шесть уроков, но и прием посетителей, желающих увидеть образцовое преподавание географии в образцовой школе. Проклиная визитеров и называя себя «таким же рядовым педагогом» (что-то похожее она сделает 42 года спустя в переписке с Шарцем), Вера Александровна сформулирует краугольный вопрос: «Какого чуда ждут они от меня?». Впрочем, ответ очевиден – чуда советской школьной географии. Опережая время, Рауш показывает в действии визионерскую географию ближайшего будущего – такой, какой она станет после спасения челюскинцев и майского Постановления «О преподавании географии в средней школе».

Автор благодарит Галину Орлову, Кристину Таниц и других участников научно-учебной группы «Междисциплинарные и экспериментальные формы изучения времени в СССР» за помощь и ценные замечания при подготовке статьи.

Примечания

¹ Публикация подготовлена в ходе исследования № 21-04-073 в рамках программы «Научный фонд Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” (НИУ ВШЭ)» в 2021 г.

² Студенческая экспедиция «Пространственные лаборатории идеологии: Транссибом – по следу челюскинцев» в рамках программы НИУ ВШЭ «Открывая Россию заново». Маршрут: <https://readymag.com/u3713969457/3147159/>.

³ Недолгая жизнь парохода «Челюскин» (вышел 2 августа 1933 г. из Мурманска во Владивосток, затонул в Чукотском море 13 февраля 1934 г.), его 112 пассажиров и экипажа, дрейфа, трех месяцев жизни на льдине и уникальной спасательной операции вписана в историю покорения Арктики [Ларьков, 2005; Левинсон, 2009; Корякин, 2019], успехов советской пропаганды [McCannon, McCardell, 1998], преобразования реальности и конструирования советской идентичности [Орлова, 2016]. Поезд цветов – литературный состав, которым полярников и летчиков везли из Владивостока в Москву с 9 по 19 июня, останавливаясь в крупных городах и на малых полустанках, – сыграл важную роль в пространственной сборке Советского Союза и конституировании воображаемого сообщества через сокращение дистанции до образцов.

⁴ Уральский педагог, директор авиационного техникума, секретарь обкома по промышленности, председатель горисполкома, директор научно-технической библиотеки и член Географического общества с 1924 г., А.К. Шарцев (Шарц – литературный псевдоним) приобщился к сохранению наследия Урала в тринадцать лет при конспирологических обстоятельствах (учитель попросил подростка спрятать папку с документами от белогвардейцев) и оставался краеведом до последних дней своей жизни [Королев, 1981].

⁵ Географ и методист, руководила методическим объединением учителей географии в 1927–1957 гг.

⁶ И действительно, исследователи советского периода за последние тридцать лет все чаще обращаются к источникам личного происхождения, обеспечивающим доступ к жизненным мирам строителей социализма. В использовании дневников можно выделить три историографических пласта: 1) расширение представлений о советском человеке через эго-документы сопротивления и маргинальности [Intimacy..., 1995; Козлова, Сандомирская, 1996; Paperno, 2002]; 2) открытие советской субъективности эпохи террора и ее интерпретация в фукольдинском ключе [Хелльбек, 2021; Халфин, 2002]; 3) описание советской

жизни в диапазоне опыта – от военного [Будницкий, Зеленина, 2012] до позднесоветского [Пинский, 2018]. О платформе-агрегаторе дневников «Прожито» см. [Kalinina, 2021].

⁷ См. воспоминания Риммы Михайловны Мамонтовой, не только учившейся в школе № 25 в 1930-е гг., когда там преподавала Рауш, но и поступившей после окончания на геофак МГУ (Голубович, 2006).

⁸ Так, Йохен Хелльбек трактует дневник как документ особого рода, преобразующий темпоральные идеологические факторы в субъективность автора, фиксирующего на письме значимые события с указанием дат [Хелльбек, 2021].

⁹ Этим Постановлением отменялись ступени, возвращались классы и вводилось деление на начальную, неполную среднюю и среднюю школу, определившее классическую разметку советского школьного образования (см. подробнее: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3988.htm).

¹⁰ Основной корпус текстов создан на обратном пути в Москву. За два месяца 64 участника экспедиции из 104 написали воспоминания о жизни в лагере Шмидта [Орлова, 2016]. На льдине, где силы и ресурсы экономили, записывали лишь самое необходимое: вели судовой журнал, протоколы партячейки, дневники научных наблюдений и рисовали стенгазету «Не сдадимся!».

Список источников

Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. Р-790. Оп. 10. Д. 3; 5; 9–14; 36; 48; 51; 54; 60; 129.

Аросев А. Дневник [Электронный ресурс]. URL: <https://prozhito.org/notes?date=%221934-01-01%22&diaries=%5B3%5D> (дата обращения: 15.12.2021).

Булгакова Е. Дневник. М.: Книжная палата, 1990.

Голубович И. Родом из 25-й образцовой: воспоминания «одесской» москвички [Электронный ресурс]. URL: <http://childcult.rshu.ru/article.html?id=58615> (дата обращения: 15.12.2021).

Дневник моей бабушки С.В. Дрыжаковой, 1900–1943. СПб.: Пушкинский дом, 2012.

Измайлов К. Дневник [Электронный ресурс]. URL: <https://prozhito.org/notes?diaries=%5B1639%5D&date=1934-01-01&offset=75> (дата обращения: 15.12.2021).

Коллонтай А. Дипломатические дневники. М.: Academia, 2001.

Луговская Н. Хочу жить... Из дневника школьницы: 1932–1937. По материалам следственного дела семьи Луговских. М.: Формика-С, 2003.

Макаров И. Журналисты в Арктике // Литературная газета. 1934. № 17.

Пришвин М. Дневники. 1932–1935. СПб.: Росток, 2009.

Рауш В. Методическое руководство к картинам по физической географии: пособие для учителя. М.: Учпедгиз, 1947.

Рауш В. Художественная литература на уроках географии в начальной школе, М.: Наркомпрос РСФСР, 1937.

Сергеева К. Из дневника // Краеведческие записки. Вып. XVI. Магадан: Магадан. книж. изд-во, 1989. С. 50–70.

Библиографический список

Будницкий О., Зеленина Г. Свершилось. Пришли немцы! Идеальный коллаборационизм в годы Великой Отечественной войны. М.: РОССПЭН, 2012.

Гинзбург Л. О психологической прозе. Л.: Художественная литература, 1977.

Козлова Н., Сандомирская И. «Я так хочу назвать кино». Наивное письмо: опыт лингвосоциологического чтения. М.: Гнозис, 1996.

Королев К. Биограф Урала // Вечерняя Пермь. 1981. 19 октября.

Корякин В. Челюскинская эпопея. М.: Вече, 2019.

Ларьков С. Челюскинская эпопея – историческая мифология и объективность истории (попытка фрагментарного сравнения) [Электронный ресурс]. 2005. URL: http://www.ihst.ru/projects/library/Lib_4.pdf (дата обращения: 15.12.2021).

Левинсон К. Об одной выпавшей странице челюскинской эпопеи // Одиссей: человек в истории. М.: Наука, 2009. С. 221–243.

Орлова Г. За строкою учебника: картографическая политика и советская школа в 1930-е гг. // Учебный текст в советской школе. СПб.: Институт логики, когнитологии и развития личности, 2008. С. 77–104.

Орлова Г. Картографический поворот: школьная география и визуальная политика в эпоху больших утопий // Вопросы образования. 2006. № 3.

- Орлова Г. Хозяйство полярного письма: медиализация челюскинской робинзонады // Новое литературное обозрение. 2016. № 3. С. 207–227.
- Пинский А. После Сталина: позднесоветская субъективность (1953–1985). СПб., 2018.
- Рикер П. Я – сам как Другой. М.: Изд-во гум. лит-ры, 2008.
- Родченко А. Против суммированного портрета за моментальный снимок // Новый ЛЕФ. 1928. № 4. С. 14–16.
- Хелльбек Й. Революция от первого лица: дневники сталинской эпохи. М.: Новое литературное обозрение, 2020.
- Халфин И. Синтаксис большевистского субъекта // *Ab Imperio*. 2002. № 3. С. 403–409.
- Шкуратов В. Литература как спасение (к сотериологии Ф.М. Достоевского) // Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований. 2016. № 3. С. 146–169.
- Gergen K., Gergen M. Narratives of the self // *Memory, Identity, Community: The Idea of Narrative in the Human Sciences*. N.Y.: SUNY Press, 1997. P. 161–184.
- Intimacy and Terror: Soviet Dairies of 1930s / eds. V. Garros, N. Korenevskaya, T. Lahusen. N.Y.: New Press, 1995. P. 67–97.
- Kalinina E. Affordances of Digital Archives: The Case of the Prozhito Archive of Personal Diaries // *The Palgrave Handbook of Digital Russia Studies*. Palgrave Macmillan, 2021. P. 371–387.
- McCannon J., McCardell J. Red Arctic: Polar Exploration and the Myth of the North in the Soviet Union, 1932–1939. Oxford University Press, 1998.
- Paperno I. Personal Accounts of the Soviet Experience // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2002. No. 3(4). P. 577–610.

Дата поступления рукописи в редакцию 27.12.2021

THE ECSTASY OF INVOLVEMENT. CHELYUSKIN'S DIARY OF A GEOGRAPHY TEACHER

A. M. Mishenev

National Research University “Higher School of Economics”, Studencheskaya str., 38, Perm, Russia
ammishenev@edu.hse.ru

In the article, the interconnection of modern subject with temporality is considered through the source of the historical present – the diary that the Moscow geography teacher and one of the Soviet leading supervisor in geography, Vera Rausch, kept in the first days after the sinking of the Chelyuskin steamer in the Arctic (around February 1934). Presenting a unique ego-document of the Soviet era, the researcher solves three problems. First, he describes the indirect, confusing, and incomplete relations between Rausch's biography and her archive, writing and curation in terms of the archival self. Second, he analyzes the diary, focusing in its multiple temporality. After revealing three layers of heterochronic corrections, recycling of the diary entry into a scholarly fiction becomes visible and localized in the biographical timescape. Finally, he explores the discursive and affective background that allowed the geography teacher to carry out a special kind of mediation through rejecting her “self”. Rausch shortens the distance to the Arctic event and shares the experience with her pupils. She uses school physical geography as a resource for mastering the position of the Soviet subject. Her experience of participation is described in the article against the background of the diaries of contemporaries, reflecting the Chelyuskin epic.

Key words: temporality, heterochrony, archival self, diary, physical geography, involvement, mediation, affect, Soviet subject.

Acknowledgments

¹ The reported study was funded by the program “Scientific Foundation of the National Research University Higher School of Economics” in 2021 (№ 21-04-073).

References

- Budnitskiy, O. & G. Zelenina (2012), *Sluchilos'! Prishli nemtsy! Ideynny kollaboratsyonizm v gody Velikoy Otechestvennoy Voyny* [It happened. The Germans came! Ideological collaboration during the Great Patriotic War], ROSSPEN, Moscow, Russia, 328 p.
- Garros, V., Korenevskaya, N. & T. Lahusen (1995), *Intimacy and Terror: Soviet Dairies of 1930s*, New Press, New York, USA, pp. 67–97.
- Gergen, K. & M. Gergen (1997), “Narratives of the self”, in Hinchman, L. & S. Hinchman (eds.), *Memory, identity, community: The idea of narrative in the human sciences*, SUNY Press, New York, USA, pp. 161–184.

- Ginzburg, L. (1977), *O psikhologicheskoy proze* [On the psychological prose], Khudozhestvennaya literatura, Leningrad, USSR.
- Halfin, I. (2002), “The syntax of the Bolshevik subject”, *Ab imperio*, № 3, pp. 403–409.
- Hellbeck, J. (2021), *Revolyutsiya ot pervogo litsa: dnevniki stalinskoy epokhi* [Revolution on my mind: Written a diary under Stalin], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia, 416 p.
- Kabatskov, A. & O. Leiybovich (2019), “The subjective image of the social structure of Soviet society in the Dmitriev’s diaries”, *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal’nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i social’nye nauki*, № 1, pp. 15–22.
- Kalinina, E. (2021), “Affordances of Digital Archives: The Case of the Prozhito Archive of Personal Diaries”, in Gritsenko, D., Wijermars, M. & M. Kopotev (eds.), *The Palgrave Handbook of Digital Russia Studies*, Palgrave Macmillan, London, UK, pp. 371–387.
- Koryakin, V. (2019), *Chelyuskinskaya epopeya* [Chelyuskin epopee], Izdatel’stvo Veche, Moscow, Russia, 320 p.
- Kozlova, N. & I. Sandomirskaya I. (1996), “*Ya tak hochu nazvat’ kino*”. *Naivnoe pis’mo: opyt lingvo-sotsyologicheskogo chteniya* [“That is what I want to call a movie”. Naive writing: Experience of linguo-sociological reading], Gnozis, Moscow, Russia, 255 p.
- Lar’kov, S. (2005), *Chelyuskinskaya epopeya – istoricheskaya mifologiya i obyektivnost’ istorii (popytka fragmentarnogo sravneniya)* [Chelyuskin epopee – historical mythology and the objectivity of history (an attempt at a fragmentary comparison)], available at: http://www.ihst.ru/projects/library/Lib_4.pdf (accessed 15.12.2021).
- Levinson, K. (2009), “About one page of Chelyuskin epopee that fell out”, in *Odyssey: chelovek v istorii* [Odysseus. A man in history], Nauka, Moscow, Russia, pp. 221–243.
- McCannon, J. & J. McCardell (1998), *Red Arctic: polar exploration and the myth of the north in the Soviet Union, 1932-1939*, Oxford University Press, New York, USA, 234 p.
- Orlova, G. (2006), “Cartographic turn: school geography and visual policy in the era of big utopias”, *Voprosy obrasovaniya*, № 3, pp. 81–100.
- Orlova, G. (2008), “Behind the line of textbook: cartographic policy and the soviet school in the 1930s”, in Leontyeva, S. & K. Maslinsky (eds.), *Uchebnyy tekst v sovetskoj shkole* [Educational text in Soviet school], Institut logiki, kognitologii i razvitiya lichnosti, Moscow; St. Petersburg, Russia, pp. 77–104.
- Orlova, G. (2016), “The economy of the polar writing: medialization of the Chelyuskin robinsonade”, *Novoe literaturnoe obozrenie*, № 3, pp. 207–227.
- Paperno, I. (2002), “Personal Accounts of the Soviet Experience”, *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, № 3(4), pp. 577–610.
- Pinskiy, A. (2018), *Posle Stalina: Pozdnesovetskaya subyektivnost’ (1953–1985)* [After Stalin: Late soviet subjectivity (1953–1985)], Izdatelstvo EU SPb, St. Petersburg, Russia, 453 p.
- Ricoeur, P. (2008), *Ya – sam kak Drugoy* [Onself as Another], Izdatel’stvo gumanitarnoy literatury, Moscow, Russia, 416 p.
- Rodchenko, A. (1928), “Against a summed portrait for a snapshot”, *Novyy LEF*, № 4, pp. 14–16.
- Shkuratov, V. (2016), “Literature as salvation (to F. M. Dostoevsky’s soteriology)”, *Politicheskaya kontseptologiya: zhurnal metadistsyplinaryh issledovaniy*, № 3, pp. 146–169.
- Surzhikova, N. (2014), *Istoriya v ego-dokumentakh: issledovaniya i istochniki* [History in ego documents: research and sources], Izdatel’stvo «AsPUr», Moscow, Russia, 368 p.